

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 398.54

**«ДВОРЯНСТВО БЫВАЕТ ХУЖЕ ПОНОМАРСТВА»: МЕЛКИЙ ПОМЕЩИК В
НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ**

**«THE NOBILITY IS WORSE PONOMARSTVA»: THE SMALL LANDOWNER IN
NATIONAL PROVERBS AND SAYINGS**

В.А. Шаповалов, С.П. Шаповалова

V.A. Shapovalov, S.P. Shapovalova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

Ключевые слова: мелкий помещик, мелкопоместное дворянство, народные пословицы, крестьянство.

Keywords: gentry, landed gentry, proverbs, peasantry.

Аннотация. В статье рассматриваются народные пословицы, в которых отражена жизнедеятельность мелкопоместных дворян XVII – XIX вв. Данные пословицы являются важным источником по социопсихологическому восприятию крестьянством представителей низшей страты помещного дворянства. Пословицы отразили социальную убогость мелких помещиков, их большую скученность в границах одного селения, занятие тяжелым физическим трудом, доминирующую тенденцию к разорению низшей страты помещного дворянства. В тоже время, в пословицах прослеживается и элемент жалости к «мужикам-дворянам», чья жизнь это была борьба за выживание.

Resume. The article deals with the folk proverbs which reflect the activities of gentry in the seventeenth through the nineteenth centuries. These proverbs are an important source on the socio-psychological perception of the landed nobility's lower stratum by the peasantry. The given proverbs reflected the social misery of the gentry – their concentration in a particular rural settlement, their hard physical labor and the dominant trend of the gentry downfall. At the same time one can note an element of sympathy towards the *muzhiks-dvoriane*, whose life was devoted to the struggle for survival.

Основная часть пословиц рождалась как вывод из непосредственных наблюдений над реальной жизнью, иногда как отклики на крупное историческое событие, но их появление однозначно показывает те сферы жизнедеятельности, которые больше всего волновали народ¹. В народной среде XVII – начала XIX вв., то есть того периода, когда и была создана подавляющая часть пословиц и поговорок, главной проблемой в социальной сфере были взаимоотношения помещиков с крепостными крестьянами. Весь микромир крепостного крестьянина замыкался в рамках боярской или дворянской усадьбы, имения, где цикличность и направленность крестьянской жизни определялись

¹ Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 2007. С. 224.

волей барина. Суть этих взаимоотношений не могла не отразиться в народном фольклоре, в частности, в пословицах – кратких образных суждениях, имеющих переносный смысл и применяемых к различным случаям жизни, поговорках – образных выражениях, элементах суждения, приводимых неполно².

Важным является то, что пословицы и поговорки, в своей содержательной основе, дают возможность исследователям классифицировать их в рамках стратификационной структуры той или иной сословной общности. В частности, среди них отчетливо выделяются пословицы и поговорки, касающиеся мелкопоместных дворян. Авторам статьи известно более 100 пословиц и поговорок о помещиках, пятая часть из них посвящена беспоместным и мелкопоместным дворянам³. В народном сознании российское благородное сословие четко подразделялось на две категории: истинное барство, «голубая кровь», изначально отличавшееся «качествами и добродетелями»⁴, относившиеся к крупным помещикам и «панков», как называли в крестьянской среде представителей мелкопоместного дворянства, нередко ведших крестьянский образ жизни⁵. В мелких помещиках крестьяне не видели истинных бар не только из-за их бедности, часто граничащей с нищетой, но и на их глазах крупные помещики повсеместно издевались над своими соседями – мелкопоместными дворянами. В этой связи, применительно к XVIII в., М.М. Богословский подчеркивал: «В усадьбе крупного барина состоит помимо дворовой челяди особый штат приживальщиков из дальней и бедной родни или из мелких соседей, служащих мишенями потех, которые принимают грубый характер и тотчас переходят в насилие»⁶. С другой стороны, для крепостных крестьян статусность их помещика была не пустым звуком. Бедный и незнатный дворянин больше вызывал у них иронию, чем уважение. С точки зрения крестьян только «породистый» барин имел право владеть ими. В отдельных случаях социальная «неказистость» барина могла довести крестьян до открытого неповиновения. А.И. Дельвиг в своих мемуарах описывает последствие получения в начале XIX в. откупщиком А.Ф. Викулиным, женатом на внучатой сестре его деда княжне Кугушевой, ордена св. Владимира, что дало ему право на получение дворянского достоинства. Новоиспеченный дворянин сразу же купил себе населенное имение, но крестьяне отказались ему подчиняться. Причиной этого неповиновения была незнатность помещика. «Крестьяне в этих имениях не хотели повиноваться своему новому владельцу по причине его низкого происхождения. Дошло до бунта, как тогда было принято называть всякое ничтожное непослушание со стороны крепостных людей, и усмирения его войсками»⁷.

Все вышесказанное показывает относительно пренебрежительное отношение крестьян к мелким помещикам, что и нашло отражение в народном фольклоре, в частности, в пословицах и поговорках. Вероятнее всего это относилось в первую очередь к низшим подгруппам мелкопоместного дворянства, владевших до 10 дес. земли. Тем не менее, крестьяне осознавали дворянский статус мелких помещиков, принадлежность их к высшему сословию независимо от материального достатка. Это нашло отражение в трех следующих пословицах: «Хоть лыком шит – да барин», «Хоть не стоит лыка, да ставь за велика (отдельная вариация первой пословицы, но может быть отнесена и к мелким чиновникам)⁸, «С грошами пан и без грошей пан: все пан»⁹. Право помещиков владеть «крещеной собственностью» наложило отпечаток на психологию крестьян, выработало у

² Чичеров В.И. Русское народное творчество. М., 1959. С. 310.

³ Воскресенский В. Русская народная поэзия. Сборник сказок, былин, исторических и бытовых песен, обрядов, пословиц, загадок. СПб., 1902. С. 289; Иллюстров И.И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904. С. 90; К воле. Крепостное право в народной поэзии/ сост. Н.Л. Бродский. СПб., 1911. С. 156, 157; Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XIX веков/ отв. ред. М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова. М.-Л., 1961. С. 31, 34, 51, 101, 114; Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М., 1961. С. 146 – 147.

⁴ Коцебу А. О дворянстве, его происхождении, распространении и не одинаковом введении между всеми почти народами земного шара. М., 1804. С. 20.

⁵ Борецкой А. Захудалое дворянство (из летних экскурсий) // Русская мысль. 1882. Кн. XII. С. 340.

⁶ Богословский М.М., проф. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. Петроград, 1918. С. 40.

⁷ Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. М., 2014. С. 4.

⁸ Воскресенский В. Указ. соч. С. 289.

⁹ К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 157.

них традицию подчинения. Мелкопоместные дворяне, в свою очередь, всячески стремились подчеркнуть перед крестьянами свой высокий социальный статус. На это обращал внимание современник, описывая усадьбы тамбовских мелких помещиков: «Очень много было этих усадеб, и почти все одинаково маленькие, полуразвалившиеся, с заросшими садиками. Только две или три между ними были хотя несколько побольше и поправильнее, то есть сколько-нибудь походили на обыкновенные помещичьи усадьбы средней руки.

Проезжая, мы видели некоторых из владельцев, расхаживающих у себя по двору в красных рубахах, совсем как кучера, или в широких грязных парусинных пальто, как стары повара, дворецкие отставные и прочие заштатные дворовые. Видали и их жен вдали, сидевших в усадьбе или на берегу, окруженных бедно и грязно одетыми детьми.

Но они все живо чувствовали себя дворянами, потому что мужики их, вообще их крепостные, как мы видели это из кареты, стояли перед ними без шапок, а они напротив, расхаживали и сидели с важностью, не забывая своего достоинства»¹⁰. В отличие от большей части помещиков верхних страт, мелкопоместные дворяне, социально утверждались в глазах собственных крестьян, более жестоко эксплуатируя последних. Связано, отчасти, это было еще и с тем, что в мизерных усадьбах не оставалось места для личного пространства крепостных крестьян. Это и вызывало у них ожесточение, граничащее с пренебрежением, в адрес своих «незадачливых» бар. С.Н. Терпигорев (С. Атава) продолжая эту тему, подчеркивал: «...отношение мелких к своим крепостным были положительно невозможные. Надо вообще принять за аксиому, что чем мельче был помещик, тем хуже и тяжелее жилось его мужикам...близость мелкого помещика к домашнему обиходу мужика была для последнего тем невыносима, что он у него был весь на виду: он от него ничего не мог уберечь и схоронить»¹¹.

Три вышеприведенные пословицы показывают всю сложность восприятия крестьянами своей правовой принадлежности мелким помещикам, где неотъемлемо присутствовало убеждение о «лыком шитой» породе их бар. Точно датировать создание данных пословиц весьма сложно, «так как огромное большинство их (пословиц – В.Ш.) потеряло своих авторов, стало анонимными. Помочь может лишь тщательный анализ с литературными и сравнительно-историческими экскурсами...»¹². Первые две пословицы, скорее всего, можно отнести к XVII – первой половине XVIII вв., так как есть вариант второй пословицы с упоминанием термина «воевода»¹³, который в народном фольклоре обычно упоминается в указанный период. Установить время создания третьей пословицы затруднительно, так как, термин «пан» традиционно связан с белорусским и украинским фольклором (не без польского влияния), при этом имел широкое распространение в южных и западных великорусских губерниях. Хронологический диапазон его активного использования в фольклоре в пределах XVI – начала XX вв., но это, в первую очередь, относится к Малороссии и Белоруссии, в великорусских губерниях он наиболее был распространен в XVII – первой половине XIX вв. Одна и та же пословица в отдельных регионах принимала несколько иные внешние формы, видоизменялась со временем, приобретая национальное звучание.

Большое количество мелкопоместных дворян, мизерность и скученность их «имений», владение одной или двумя душами, хорошо проиллюстрировано в нижеприведенных пословицах: «Сколько дворов, столько господ», «У всякого крестьянина по семи баринов»¹⁴, «Нес черт грибы в коробе, да рассыпал по бору: и выросли однодворцы»¹⁵. Последняя пословица имеет и иные вариации: «Тасил черт однодворцев в коробе, да рассыпал под гору», «Собрал черт всех однодворцев в решете и понес: гром грянул, он и выворотил их под Воронежем»¹⁶. В дореформенные времена мелкопоместные дворяне в рамках своего сословия составляли большинство, в ходе

¹⁰ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Потревоженные тени. М., 1988. С. 269-270.

¹¹ Терпигорев. С.Н. (Атава С.). Оскудение // Сборник сочинений. Т.1. Ч. 1. СПб., 1899. С. 311.

¹² Соколов Ю.М. Русский фольклор. С. 226.

¹³ Там же. С. 230.

¹⁴ Воскресенский В. Указ. соч. С. 289.

¹⁵ Иллюстров И.И. Указ. соч. С. 90.

¹⁶ Там же.

дробления имений мелкими помещиками были населены целые селения. Если современник хотел, как либо, подчеркнуть быт мелкопоместных дворян, он обязательно указывал их многочисленность и бедность. Так, например, кн. Г.В. Кугушев в литературном очерке «Странник (эскиз провинциальной жизни)», посвященном дореформенному мелкопоместному дворянству, первым предложением сделал следующее: «В селе Благом много помещиков»¹⁷. и далее показывает их непредвзятый быт, дразни, желание просто выжить. В отдельных селах мелких помещиков могло быть до сотни. В с. Никольском Новооскольского уезда Курской губернии в 50-е гг. XIX в. их насчитывалось 83¹⁸. И таких сел было множество. В подобных селах крестьянские избы соседствовали с «усадебными» мелких помещиков: «Мелкие усадебцы с домиками и надвратными строениями, крытыми соломой, при них садики с густо разросшими яблонями, грушами, вишнями, рябиной, черемухой, сиренью, а в недалеке три-четыре крестьянских двора – их крепостные. Из таких усадебцев, вперемешку с крестьянскими избами, состояло все Всесвятское»¹⁹.

Скопление мелкопоместных дворян в рамках одного селения, их соседство с крестьянскими избами, быт мало чем отличавшийся от крестьянского стали сюжетной основой для рассматриваемых выше пословиц.

Известный этнограф рубежа XIX – XX в. О.П. Семенова-Тян-Шанская весьма точно подметила отношение «Ивана» (крестьянина – В.Ш.) к помещику: «...с одной стороны он не уважает барина за то, что он не умеет обращаться с землей и трудиться над ней по-мужицки, а с другой – величие барина. Очевидно, существует крестьянское эстетическое представление о барине, как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику. Сектанты прямо завидуют барской свободе предаваться душеспасительным мыслям, такой свободе, которой нет у них, крестьян, принужденных изо дня в день заботиться о хлебе насущном среди неприглядного обихода деревенской трудовой жизни. По мнению крестьянина, в том именно и заключается, смысл быть богатым, - не считать грошей и не марать своего барского достоинства, около мелочей хозяйственного обихода...»²⁰. Ходить лично за сохой, убирать хлеб в поле и т.п., с точки зрения крестьян, не как не ассоциировалось с дворянским статусом. Но реальная жизнь была значительно сложнее и часть мелких помещиков в ежедневных трудовых буднях просто выживала. В самом начале пореформенного периода командированный чиновник описывал на границе Курской и Харьковской губерний целые хутора, населенные неграмотными мелкопоместными дворянами, которые занимались на уборку свеклы к местным сахарозаводчикам, пасли скот, страдали от хозяйственных притеснений более зажиточных соседних крестьян²¹.

Ежедневный тяжелый физический труд определенной части мелких помещиков сближал их, в рамках повседневности, с крестьянами. У последних подобный уклад жизни мелкопоместных дворян, при наличии их барского статуса, вызывал иронию, что нашло отражение в пословицах. Среди них: «Корегский барин сам орет (орать, орывать землю – пахать, взрывать её – В.Ш.), сам и пашет»; «Сам пашет, сам орет, сам и денежки берет»²²; «Не имеючи раба – сам по дрова»²³. Словосочетание «Корегский барин» И.И. Иллюстров объясняет так: «Население Кореги около Буя (Костромской губернии) большею частью бедными дворянами дало повод к этой поговорке»²⁴. Личное занятие хлебопашеством и другими видами сельскохозяйственных работ у мелкопоместных дворян (ввиду отсутствия крепостных крестьян, или наличие 1-2 душ) широко

¹⁷ Кугушев Г.В., кн. Странник (эскиз провинциальной жизни) // Отечественные записки. 1857. Т. СХII. Отд. 1. С. 1.

¹⁸ Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. I Курск, 1863. С. 128-129, 135-136.

¹⁹ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Потревоженные тени. С. 269.

²⁰ Шнейдер В.П. Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб., 1908. С. 16.

²¹ Хлопов Н.А. Мужики-дворяне (бытовой этюд)//Исторический вестник. 1903. Т.ХСІ. С. 1032-1033.

²² Иллюстров И.И. Указ. соч. С. 90.

²³ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков. С. 31.

²⁴ Иллюстров И.И. Указ. соч. С. 90.

практиковалось уже в первой трети XVII в.²⁵ и отчетливо прослеживалось вплоть до 1917 г.

Время создания данных пословиц, исходя из присутствия терминов «раб» и «орет», скорее всего, можно отнести к XVII – XVIII вв. Хотя возможна и первая половина XIX в.

Тяжелая, не дворянская жизнь мелких помещиков, несоответствие их сословного статуса повседневным реалиям, отсутствие у них каких-либо социальных перспектив вызывали у крестьян, как и у представителей других сословий, сарказм, что и отразилось в пословицах и поговорках: «Дворянином жить не сможет, а смердом быть не хочется», (вариация – «Смердом жить не хочется, а дворянином не сможет»), «Дворянство бывает хуже пономарства», «Не на рабов пенять, коли господин худ», «Хлеб да вода – наша дворянская еда»²⁶. «Ну и бара! – Пятак пара! Да и то в базарный день», «Все мое имение в воображении»²⁷.

Фольклорный сарказм здесь тесно соседствует с определенным элементом жалости, сочувствием тяжелому положению «мужиков-дворян», пониманием экономической природы их бедности. На это указывает сравнение жизни дворян с пономарями, чья бедность была притчей во языцех, сопоставление дворян и смердов. Это еще раз подтверждает весьма сложное социальнопсихологическое восприятие крестьянами дворян, особенно, поместных, в контексте стратифицированного восприятия.

Снисходительное, сословно дистанцированное отношение к мелким помещикам было и у дворян верхних страт. Это хорошо просматривается на примере официальных отчетов, мемуаров, литературы. Например, поэт И.П. Мятлев, выходец их аристократической семьи, в стихотворении «Разговор барина с Афонькой» (1845) показывает социальную убогость и недалекость мелкого помещика, который жаловался на своего крепостного крестьянина сенаторам:

«...Барин
Позвольте, господа сенаторы, какой он
грубиян.
Ну, скажи, пожалуйста, Афонька,
Ты жил в моей деревне –
Как мои мужики живут?
Афонька
Зажиточно
Барин
Да как зажиточно?..
Афонька
А так зажиточно,
что в семи дворах один топор:
Поутру дрова рубят,
А вечером в кулак трубят...»²⁸.

Далее в стихотворении Афонька рассказывает сенаторам о тяжелой доли крестьян и убогости быта в усадьбе мелкопоместного дворянина.

Отдельно необходимо остановиться на пословице: «Што это стало с панами? Бувало один пан едет на шести конях, а теперь шесть панов едут на одном коне»²⁹. В ней отражены народные представления о доминирующей тенденции разорения помещного дворянства, превращения его большей части в мелких помещиков. Точно указать время создания пословицы весьма затруднительно. Процесс дробления крупных и средних поместий был постоянным, переход части средних помещиков, иногда и крупных, в

²⁵ Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 и 18 веков. М., 2005. С. 93-94; Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010. С. 321-322.

²⁶ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков. С. 31, 34, 51, 101, 114.

²⁷ Рыбникова М.А. Указ. соч. С. 147.

²⁸ Мятлев И.П. Разговор барина с Афонькой// Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира 1830 – 1870-х годов/ сост. Л.Ф. Ершов. М., 1988. С. 75-76.

²⁹ К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 157.

категорию мелкопоместных, тоже был непрерывен. Многие усадьбы просто перестали существовать. Данный процесс нашел широкий отклик в поэзии дворянских авторов, которые подтверждали мудрость народных пословиц о социальном упадке поместного дворянства. В частности, в стихотворении И.Ф. Анненского «Старая усадьба» выражена боль помещика об уходящем старом мире, упадке дворянского сословия:

«Сердце дома. Сердце радо. А чему?
Тени дома? Тени сада? Не пойму.

Сад старинный, все осины – тощи, страх!
Дом – руины...Тины, тины, что в прудах...

Что утрат-то!.. Брат на брата...Что обид!..
Прах и гнилость... Накренилось... А стоит...»³⁰.

В народных пословицах жизнедеятельность мелкопоместных дворян XVII - XIX вв. отражена весьма точно. Показана их социальная убогость, скученность мелких помещиков в рамках одного селения, крайняя бедность их крестьян, внутрисословная дистанцированность помещиков верхних страт от низших, личное участие в тяжелом физическом труде, но, при этом, стремление к подчеркиванию дворянского достоинства. Данные пословицы являются ценным источником не только по социальнопсихологической эволюции крестьянства, но и по изучению мелкопоместного дворянства.

³⁰ Анненский И.Ф. Старая усадьба // Поэзия дворянских усадеб/ сост. Л.И. Гусова. СПб., 2008. С. 14.